Н. Карѣевъ.

ЛИЧНОЕ НАЧАЛО

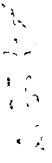
и

РОКОВЫЯ СИЛЫ ВЪ ИСТОРІИ.

Изданіе журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

БИБЛИОТЕКА
МОГИЛЕВ
Инв. № 10690

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Мѣсника и Римана, Бассейная ул., № 50.
1889.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 3-го Мая 1889 года.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1306
53

ЛИЧНОЕ НАЧАЛО И РОКОВЫЯ СИЛЫ ВЪ ИСТОРІИ.

Приступая къ печатанію III тома своихъ Основныхъ вопросовъ философіи исторіи, который будетъ посвященъ изслѣдованію «сущности историческаго процесса и роли личности въ исторіи», я считаю не лишнимъ познакомить заранѣе читателей первыхъ двухъ томовъ съ предметомъ третьяго тома. Содержаніе слѣдующихъ страницъ не будетъ представлять для нихъ ничего новаго: всѣ высказанные здѣсь взгляды подробнѣе были изложены въ первыхъ двухъ томахъ, но они собраны здѣсь вмѣстѣ, и изъ нихъ сдѣланы кое-какіе выводы, которые явятся исходными пунктами сочиненія о Сущности историческаго процесса и о роли личности въ исторіи. Настоящая статья будетъ служить какъ бы своего рода связью между Основными вопросами философіи и ихъ продолженіемъ. Отсюда нѣсколько отрывочный характеръ статьи, притомъ прямо вводящей читателя in medias res.

Разсматривая исторію, какъ процессъ, въ которомъ главную роль играетъ дѣятельность личностей, мы имѣемъ полное право видѣть въ личности единственный факторъ исторіи, по отношенію къ коему все остальное, что мы охотно представляемъ себѣ также дѣйствующимъ въ исторіи, будетъ имѣть значеніе простыхъ условій. Дѣйствуетъ, въ прямомъ значеніи этого слова, въ исторіи одно реальное существо—человѣкъ, и историческая наука изучаетъ какъ самыя дѣянія человѣка, такъ и ихъ результаты, дѣятельность же эта происходитъ среди извѣстныхъ условій, такъ или иначе вліяющихъ на человѣка и его дѣйствія: если мы говоримъ и объ условіяхъ этихъ, что они дѣйствуютъ въ исторіи, то понятіе дѣйствія употребляется тутъ совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, нежели тогда,

когда мы имѣемъ въ виду поступки и дѣянія человѣческой личности. Эти условія могутъ имѣть громадное значеніе въ исторіи народа, могутъ даже весьма удовлетворительно объяснять ея главныя и основныя черты, но все ихъ «дѣйствіе» будетъ заключаться въ ихъ вліяніи на дѣятельность отдѣльныхъ личностей, которая и создаетъ исторію. Другой вопросъ, какъ понимать отношенія, существующія между дѣятельностью личностей и ея условіями, и иной также вопросъ, какъ понимать отношенія, въ коихъ одни къ другимъ находятся отдѣльныя дѣйствія людей, слагающіяся въ историческую дѣятельность цѣлаго общества,—во всякомъ случаѣ единственнымъ факторомъ исторіи является человѣческая личность, хотя бы даже въ своихъ дѣйствіяхъ она лишь пассивно передавала вліяніе на нее окружающихъ условій.

Я думаю, далѣе, — и это будетъ также немаловажнымъ тезисомъ защищаемой мною теоріи — что личности принадлежитъ въ исторіи вообще значеніе болѣе важное, нежели роль фактора, способнаго передавать черезъ себя вліяніе окружающихъ ее условій безъ всякаго дѣйствія отъ себя. Въ этомъ смыслѣ я позволяю себѣ говорить не только о роли личности въ исторіи, т. е. о томъ, что можетъ имѣть и пассивный только характеръ, но и о личномъ началѣ въ исторіи, уже не допускающемъ такого пониманія. Для того, чтобы выяснить, какія условія имѣю я въ виду, какъ вліяющія на дѣятельность личностей и только въ такомъ словоупотребленіи «дѣйствующія» въ исторіи, а также чтобы показать, въ чемъ заключается личное начало въ смыслѣ, противоположномъ пассивному подчиненію личности этимъ условіямъ, я долженъ сдѣлать здѣсь небольшое вступительное разсужденіе, исходнымъ пунктомъ котораго съ удобствомъ можетъ быть одно мѣсто изъ перваго тома Основныхъ вопросовъ философіи исторіи, именно то, гдѣ дается объясненіе существованію въ исторіи общихъ теченій прагматическаго и культурнаго характера.

«Личность—единственный факторъ исторіи, но есть нѣкоторыя общія условія, которыя вносятъ въ дѣятельность многихъ личностей, т. е. народа, извѣстное общее направленіе. Личность опредѣляется либо изнутри прирожденными свойствами, либо извнѣ разными обстоятельствами; первыя условія мы назовемъ органическими, вторыя, т е. окружающую природу и культурно-соціальныя формы — условіями неорга-

ническими и надъ-органическими, разумѣя подъ послѣдними вообще продукты человѣческаго творчества, опредѣляющіе дѣятельность человѣка. Когда эти условія общи многимъ лицамъ, то они придаютъ ихъ дѣятельности нѣкоторое общее направленіе. Ходъ исторіи создается дѣятельностью людей, непосредственная причина дѣятельности—воля; воля дѣйствуетъ по мотивамъ и извѣстнымъ образомъ обусловлена: одни условія лежатъ въ организмѣ волящаго субъекта, во всей совокупности его прирожденныхъ свойствъ; другія по отношенію къ организму нѣчто внѣшнее; это внѣшнее есть среда, въ которой человѣкъ дѣйствуетъ, и среда эта есть результатъ либо процесса физическаго (природа), либо духовно-общественнаго, т. е. продуктъ человѣческаго творчества (культура и соціальная организація). Эти три категоріи условій всегда на лицо при всякой дѣятельности человѣка, и поскольку люди подчиняются одинаковымъ условіямъ, постольку они дѣйствуютъ приблизительно одинаково» [1]). Итакъ, условія, о коихъ идетъ рѣчь, какъ о направляющихъ историческую дѣятельность народовъ, суть 1) внѣшняя природа занимаемой имъ страны, 2) прирожденныя свойства его расы и 3) созданная его исторіей культурно-соціальная среда, и можно сказать, что въ томъ порядкѣ, въ какомъ перечислены здѣсь эти условія, они выдвигались одно за другимъ на первый планъ при объясненіи судебъ отдѣльныхъ народовъ, такъ что и внѣшняя природа, и расовыя свойства, и культурно-соціальныя формы принимались за главныя дѣйствующія въ исторіи силы, по отношенію къ коимъ дѣятельность личностей имѣла значеніе подчиненное и второстепенное.

Двѣ изъ такихъ теорій, такъ называемыя «теорія климата» и «теорія расы», уже были мною разсмотрѣны во второмъ томѣ Основныхъ вопросовъ философіи исторіи, а потому, не обсуждая ихъ здѣсь въ цѣломъ, я укажу лишь вкратцѣ на то мѣсто, какое онѣ отводятъ личному началу въ исторіи по самой своей сущности.

«Теорія климата»,—видящая, впрочемъ, не въ одномъ кли-

---

[1]) Основные вопросы философіи исторіи. М. 1883. I, 155 (по второму изданію 1887 г. стр. 53—54; въ дальнѣйшемъ ссылки дѣлаются на оба изданія, причемъ указанія на страницы второго помѣщаются въ скобкахъ).

матѣ, но и въ другихъ физическихъ условіяхъ страны главный факторъ, дѣйствующій въ исторіи населяющаго послѣднюю народа,—«теорія климата» можетъ быть формулирована въ такомъ положеніи: человѣкъ есть рабъ окружающей природы, которая и приспособляетъ его къ себѣ. Другими словами, теорія эта по самому существу своему есть отрицаніе личнаго начала въ исторіи, поскольку односторонне подчиняетъ человѣка природѣ, т. е. превращаетъ человѣческую личность въ простой объектъ вліяній, идущихъ къ нему со стороны устройства поверхности страны, ея климата, почвы, естественныхъ произведеній и т. д. Серьезно считаться съ такимъ воззрѣніемъ въ наше время совершенно не стоитъ, тѣмъ болѣе, что самый видный представитель этой теоріи въ XIX вѣкѣ, Бокль сдѣлалъ въ ней важную поправку сравнительно съ своимъ предшественникомъ изъ XVIII вѣка, Гердеромъ, видѣвшимъ въ исторіи почти только одно дѣйствіе природы и культуры на человѣка, пассивно воспринимающаго ихъ вліяніе. Поправка Бокля касается другой стороны дѣла, т. е. активной роли человѣка по отношенію къ природѣ, такъ что въ воззрѣніи англійскаго мыслителя исторія утратила характеръ односторонняго дѣйствія физической среды на личность, а явилась въ видѣ взаимодѣйствія между человѣкомъ и природою· по словамъ Бокля, «всѣ перемѣны, которыми полна исторія, всѣ перевороты въ человѣчествѣ, развитіе и паденіе народовъ, ихъ счастье и бѣдствіе,—все это—результатъ двоякаго дѣйствія: вліянія внѣшнихъ явленій (природы) на духъ человѣка и вліянія духа человѣческаго на внѣшнія явленія. Вотъ тѣ матеріалы, прибавляетъ онъ, изъ которыхъ должна быть построена философія исторіи»[1]). Мало того: основу послѣдней составляетъ у Бокля различіе между цивилизаціями европейскою и внѣ-европейскою именно въ томъ, что въ Европѣ человѣкъ стремится подчинить себѣ природу, а внѣ Европы, наоборотъ, природа подчиняетъ себѣ человѣка[2]). Въ этомъ общемъ взглядѣ Бокля обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что писатель, наиболѣе въ наши дни преувеличивавшій вліяніе природы на исторію, въ то же время призналъ активную роль человѣка по отношенію къ природѣ, роль,

---

[1]) Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Спб. 1863. I, 115.
[2]) Ibid. I, 113.

въ которой человѣкъ выступалъ уже задолго до начала исторіи, когда первобытнымъ дикаремъ сдѣланы были первыя попытки подчиненія себѣ природы. Признавая вмѣстѣ съ Боклемъ совершающееся въ исторіи взаимодѣйствіе между человѣкомъ и природою, хотя и не сводя къ этому всю исторію, мы тѣмъ самымъ признаемъ за личностью самостоятельное значеніе по отношенію къ неорганической средѣ, какъ бы ни было мало дѣйствіе первой на послѣднюю. Въ концѣ концовъ важна способность человѣка къ самостоятельной и активной дѣятельности по отношенію къ той самой природѣ, въ рабскую зависимость отъ которой ставила человѣка «теорія климата».

Въ своемъ мѣстѣ было нами отмѣчено, что въ XIX вѣкѣ господствовавшую въ прошломъ столѣтіи «теорію климата» на время замѣнила въ философскихъ построеніяхъ исторіи «теорія расы» [1]). Послѣдняя съ иной стороны, нежели разсмотрѣнная, отрицаетъ въ исторіи личное начало. Для «теоріи климата», взятой во всей ея односторонности, отдѣльный человѣкъ и цѣлый народъ представляютъ изъ себя лишь то, чѣмъ имъ повелѣваютъ быть физическія условія страны, въ которой они живутъ, такъ что какъ за единичною особью, такъ и за массою индивидуумовъ отрицается всякая самостоятельность по отношенію къ внѣшней природѣ, и человѣкъ является какою-то tabula rasa, могущею получать содержаніе отъ однѣхъ только условій физической его обстановки. Въ «теоріи расы», совсѣмъ наоборотъ, у этой обстановки понимается всякое значеніе сравнительно съ тою ролью, какую заставляютъ играть принадлежность человѣка къ тому или другому племени: онъ уже не tabula rasa, а—если можно такъ выразиться — сосудъ, наполненный множествомъ духовныхъ качествъ, свойственныхъ только извѣстной расѣ, передаваемыхъ исключительно путемъ органической наслѣдственности, такъ что съ этой точки зрѣнія и отдѣльная личность, и цѣлая нація суть лишь то, что изъ нихъ дѣлаетъ ихъ происхожденіе, слѣды коего онѣ носятъ на себѣ въ продолженіи всего своего существованія, противустоя всѣмъ инымъ вліяніямъ. Разбирая эту теорію въ ея исключительности, я отмѣтилъ, какъ одно изъ ея основныхъ понятій, безъ котораго она не имѣла бы никакого смысла, предста-

---

[1]) О. В. Ф. И. II, 163 (117—118).

вленіе расы, какъ совокупности совершенно однородныхъ особей, одаренныхъ какими-либо специфическими качествами, встрѣчающимися только у этихъ особей и притомъ, если не у всѣхъ, то у громаднаго ихъ большинства [1]). Логически развивая такое воззрѣніе, пришлось бы въ каждой личности даннаго народа видѣть лишь единичный экземпляръ общаго типа, не заключающій въ себѣ ничего оригинальнаго. Повидимому, «теорія климата», считающая человѣка неспособнымъ противустоять идущимъ на него извнѣ вліяніямъ, и «теорія расы», приписывающая ему, наоборотъ, необычайную устойчивость передъ дѣйствіемъ на него внѣшнихъ вліяній, должны были бы быть столь же противоположны и въ отношеніи своемъ къ личному началу въ исторіи, но на самомъ дѣлѣ обѣ теоріи одинаково заключаютъ въ себѣ отрицаніе личнаго начала, одна отнимая у человѣка возможную для него самостоятельность, другая — лишая личность возможной для нея оригинальности. Въ своемъ разборѣ теоріи расы я, между прочимъ, коснулся и предполагаемой монотипичности особей одной и той же расы: факты опровергаютъ такую гипотезу, ибо оказывается, что одинаковые человѣческіе типы и темпераменты встрѣчаются въ самыхъ различныхъ расахъ [2]), а потому въ предѣлахъ одной и той же расы возможно большое разнообразіе личностей. Наконецъ, индивидуальная измѣнчивость вообще есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію, если бы мы даже и не стали ему придавать такого значенія, какое приписываетъ ему Дарвинъ въ процессѣ образованія новыхъ видовъ: индивидуальная измѣнчивость свойствъ, прирожденныхъ семьѣ, роду, племени, расѣ, есть та основа, на которой развивается личная оригинальность въ жизни. Не входя въ дальнѣйшее развитіе этой мысли, можно ограничиться простымъ признаніемъ ложности «теоріи расы», поскольку послѣдняя представляетъ всѣ единицы, входящія въ составъ извѣстной расы, какъ бы вылитыми въ одну форму.

Теоріи «климата» и «расы», каждая въ своей исключительности, не разъ уже подвергались болѣе или менѣе основательной критикѣ, и въ одной изъ такихъ критикъ обѣ тео-

---

[1]) Ibid. II, 175—176 (128).

[2]) Ibid. II, 182—183 (133—134).

ріи были прямо обвинены въ фатализмѣ [1]). Дѣйствительно, здѣсь есть доля фатализма, если подъ послѣднимъ разумѣть невозможность для отдѣльной личности или для цѣлаго народа освободиться отъ нѣкоего историческаго рока, проявляющагося въ природѣ страны или въ свойствахъ расы, т.-е. въ условіяхъ, которымъ приписывается непреодолимость по отношенію къ другимъ условіямъ, равнымъ образомъ, окружающимъ человѣка или сопровождающимъ его появленіе на свѣтъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что противъ силъ природы, дѣйствующихъ на человѣка, послѣдній выдвигаетъ собственныя силы, которыя онъ и прилагаетъ къ природѣ съ цѣлью подчинить ее себѣ, и что рядомъ съ силами, создавшими и поддерживающими единство расоваго типа, существуютъ другія силы, производящія въ немъ разнообразіе и многочисленныя индивидуальныя отъ него уклоненія, т.-е. создающія особенности, которыя принадлежатъ только отдѣльнымъ личностямъ. Разъ человѣкъ имѣетъ возможность дѣйствовать на природу, подчиняя ея силы своимъ цѣлямъ, природа уже не можетъ разсматриваться, какъ рокъ, безраздѣльно господствующій надъ историческою жизнью человѣчества, и разъ возможны индивидуальныя уклоненія отъ основного характера расы. и этому послѣднему приходится отказать въ значеніи своего рода историческаго рока. Уже одно то, что существуютъ двѣ теоріи, изъ коихъ каждая до извѣстной степени вѣрна, т.-е. одно то, что можно признать два разныхъ историческихъ рока, дѣйствующихъ очень часто въ направленіяхъ, діаметрально противоположныхъ,—уже одно это свидѣтельствуетъ объ относительности «климатическихъ» и «расовыхъ» условій исторіи и слѣдовательно о принципіальной возможности для личности стать въ болѣе независимое положеніе по отношенію къ условіямъ, ее создавшимъ и продолжающимъ на нее дѣйствовать. Въ этомъ освобожденіи личности отъ роковыхъ силъ внѣшней природы и ея собственнаго происхожденія главную роль играетъ историческая жизнь человѣка: исторія есть между прочимъ и исторія подчиненія природы человѣку путемъ накопляющихся техническихъ изобрѣтеній, и исторія переработки самого человѣка путемъ его воспитанія въ надъ-органической средѣ, т.-е. въ вырабаты-

[1]) Laurent. Études sur l'histoire de l'humanité, t. XVIII.

ваемой историческою жизнью духовно-общественной обстановкѣ.

Культурно-соціальная среда составляетъ, какъ мы видѣли, третью, рядомъ съ внѣшнею природою и врожденными свойствами, категорію условій, среди коихъ происходитъ человѣческая дѣятельность. Главное содержаніе исторіи—измѣненія этой среды, и когда мы говоримъ о личности въ исторіи, то разумѣемъ не то, что сдѣлано человѣкомъ для подчиненія себѣ природы, и не то, что сдѣлано природою въ постоянномъ творчествѣ индивидуальнаго разнообразія, а взаимныя отношенія личности и надъ-органической среды, т.-е. нравовъ, обычаевъ, привычекъ, навыковъ, идей и учрежденій, въ которыхъ живутъ и воспитываются единицы и массы. Изслѣдовать эти отношенія—задача крайне сложная и трудная, но въ высшей степени важная, и ей именно посвящаю я готовящійся къ печати 3 томъ Основныхъ вопросовъ философіи исторіи. Въ немъ болѣе не придется возвращаться къ теоріямъ «климата» и «расы», такъ какъ все вниманіе наше будетъ сосредоточено въ немъ на отношеніяхъ культурно-соціальныхъ. Да и краткій разборъ обѣихъ теорій, сдѣланный на предыдущихъ страницахъ, предпринятъ былъ мною въ виду того, что есть историческія воззрѣнія, переносящія на культурно-соціальную среду то роковое господство надъ личностью, которое приписывали «климату» или «расѣ». Здѣсь не мѣсто говорить о происхожденіи этихъ воззрѣній вообще и нѣкоторыхъ изъ нихъ въ частности; здѣсь я изложу только общее свое отношеніе къ вопросу, уже достаточно выпукло намѣченное въ первыхъ двухъ томахъ Основныхъ вопросовъ философіи исторіи.

Припомнимъ, что было сказано мною выше о раздѣленіи условій, извнѣ дѣйствующихъ на личность: они бываютъ либо неорганическія, либо надъ-органическія, иначе: либо физическія, либо культурно-соціальныя. Совокупность всѣхъ условій той или другой категоріи составляетъ изъ себя по отношенію къ индивидууму среду, которая и бываетъ либо неорганическая (природа), либо надъ-органическая (культура и соціальная организація). Всякое живое существо находится въ зависимости отъ окружающей его среды, но зависимость эта, съ одной стороны, не есть непремѣнно безусловное подчиненіе, а съ другой, не исключаетъ возможности обратнаго дѣйствія: живое существо въ большей или меньшей степени способно

противостоять дѣйствію на него среды и такъ или иначе создавать въ ней соотвѣтствующія его потребностямъ измѣненія. Сила сопротивленія вліяніямъ той или другой среды, лежащая во врожденныхъ свойствахъ индивидуума или полученная имъ какимъ-либо путемъ извнѣ, и творческая способность его производить измѣненія въ средѣ, равнымъ образомъ прирожденная или благопріобрѣтенная, бываютъ, разумѣется, весьма различны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и количествомъ этихъ двухъ силъ опредѣляется степень развитія личнаго начала въ человѣкѣ. Но и среда вообще, какъ физическая, такъ и духовно-общественная, обладаетъ извѣстной силой сопротивленія усиліямъ человѣка ее измѣнить, и сила эта можетъ быть большей или меньшей, равно какъ далеко не одинаковъ бываетъ размѣръ той силы, съ какою въ томъ или другомъ отношеніи среда дѣйствуетъ на человѣка. Фаталистическій взглядъ на природу въ «теоріи климата» именно въ томъ и состоитъ, что физической средѣ это воззрѣніе приписываетъ безконечно великую силу дѣйствія на человѣка и безконечно великую силу сопротивленія его усиліямъ, отрицая въ то же время у человѣка какую бы то ни было возможность сопротивляться дѣйствію природы, съ одной стороны, и дѣйствовать на нее, съ другой. Если возможна въ идеѣ фаталистическая теорія природы, то въ такомъ же отношеніи ничто не мѣшаетъ существованію фаталистической теоріи надъ-органической среды, которой съ полнымъ правомъ можно дать названіе «теоріи самопроизвольной эволюціи». Историческій процессъ, отвлеченно взятый, т.-е. quid proprium исторіи, по нашему опредѣленію, состоитъ во взаимодѣйствіи личности и надъ-органической, т.-е. культурно-соціальной среды [1]), аналогичномъ тому взаимодѣйствію человѣка и природы, въ коемъ видѣлъ сущность исторіи Бокль. Достаточно преувеличить и безъ того всегда весьма значительное дѣйствіе духовно-общественной среды на отдѣльнаго человѣка и въ то же время отбросить иногда еле замѣтное дѣйствіе въ обратномъ направленіи, чтобы придти къ фатализму надъ-органической среды. Установляя и анализируя понятіе послѣдней, а также характеризуя ея свойства, что было сдѣлано мною во второмъ томѣ

---

[1]) Основн. вопр. фил. ист. II, 358 (252—263).

Основныхъ вопросовъ философіи исторіи [1]), я отмѣтилъ то общее явленіе, что хотя культура и соціальная организація суть, въ послѣднемъ анализѣ, продукты человѣческой дѣятельности, тѣмъ не менѣе личность по отношенію и къ духовной, и къ общественной сторонѣ надъ-органической среды имѣетъ значеніе совершенно подчиненнаго элемента. «Въ соціальной организаціи, говорится тамъ, напр., личность есть членъ общества, часть цѣлаго, по отношенію къ культурѣ она есть носительница ея формъ, одна изъ представительницъ извѣстной группы» [2]). Для индивидуума и соціальная организація, и культура одинаково—извѣстнаго рода среда: «Это—цѣлое, которое обусловливаетъ его бытіе, это—извѣстныя постоянныя системы, которыя обусловливаютъ форму, содержаніе и направленіе его дѣятельности. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи индивидуумъ можетъ находиться въ разныхъ степеняхъ зависимости отъ этого цѣлаго и отъ этихъ системъ—до потери своей индивидуальности, будетъ-ли то выражаться въ безусловномъ подчиненіи личнаго «я» соціальной организаціи или въ безусловномъ сходствѣ индивидуума съ другими индивидуумами одной и той культурной группы» [3]). Поэтому можно установить двоякое отношеніе между надъ-органическою средою и личностью: «соціальная организація есть предѣлъ личной свободы, культурная группа есть предѣлъ личной оригинальности» [4]). Ту же мысль выражалъ я только въ иной формѣ, говоря, что культура имѣетъ тенденцію нивеллировать личности путемъ подавленія ихъ оригинальности, соціальная организація — путемъ подавленія ихъ самостоятельности [5]). «Эволюція культуры и соціальныхъ формъ, сказано у меня еще, сама по себѣ есть отрицаніе полнаго самоопредѣленія личности, поскольку послѣдняя лишь безсознательно и непроизвольно повторяетъ выработавшіяся идеи и обычные поступки, требуемые безсознательно и непроизвольно сложившеюся культурою и соціальною организаціей, и поскольку лич-

---

[1]) Ibid., II, 75—86 и 91—94 (53—65).
[2]) Ibid. II, 76. (53).
[3]) Ibid. II, 77. (54).
[4]) Ibid. II, 78. (56).
[5]) Ibid. II, 361.

ность во всѣхъ своихъ требованіяхъ и проявленіяхъ не есть нѣчто самобытное въ культурной группѣ и самостоятельное въ соціальной организаціи» [1]). Достаточно этихъ мѣстъ, чтобы видѣть, въ чемъ именно полагаю я тенденцію надъ-органической среды, направленную противъ личнаго начала въ смыслѣ самостоятельности и самобытности индивидуума, и довольно, такъ сказать, минутнаго забвенія другой стороны дѣла, т. е. постояннаго созиданія этой среды дѣятельностью личностей, чтобы объявить эту тенденцію всегда, вездѣ и во всемъ достигающею своей цѣли. Такому результату весьма много способствуетъ и другое обстоятельство: разсматривая исторію отдѣльныхъ элементовъ культуры или соціальныхъ формъ, наука уже давно привыкла наблюдать въ развитіи того или другаго элемента, той или другой формы, во-первыхъ, извѣстный порядокъ, намекающій на существованіе нѣкоторой правильности въ этой исторіи, а во-вторыхъ, извѣстное сходство между нѣсколькими однородными порядками, указывающее на то, что элементы культуры и соціальныя формы въ своемъ развитіи подчинены нѣкоторымъ законамъ. Отсюда недалеко до признанія во всей дѣятельности личностей, результатомъ которой будетъ данный элементъ культуры или данная соціальная форма, лишь простой самопроизвольной эволюціи этого элемента или этой формы, — эволюціи, которая такова, какова она есть, не потому что такъ, а не иначе сложились условія произведшей ее дѣятельности личностей, а потому, что существуетъ роковой законъ для развитія каждаго элемента культуры, каждой соціальной формы. Стоитъ только дѣйствительно проникнуться мыслью о зависимости личности отъ культурно-соціальной среды и, даже не закрывая глазъ на то обстоятельство, что среда эта создается дѣятельностью личностей, обратить главное вниманіе на тѣ случаи, когда развитіе ея элементовъ и формъ происходитъ какъ бы непроизвольно, въ силу неизмѣнно и постоянно дѣйствующихъ законовъ,—и мы будемъ имѣть историческую теорію, въ которой живыя личности, составляющія человѣческое общество и дѣйствующія въ исторіи, явятся сами лишь средою и орудіями самопроизвольной и закономѣрной, т. е. независимой отъ человѣка и его себѣ подчиняющей эволюціи надъ-органической среды.

---

[1]) Ibid. II.

Мы не раздѣляемъ этой теоріи, понимая, однако, какъ она возникла, и даже признавая ту долю истины, которую она въ себѣ заключаетъ. Доводы, на коихъ можно основать критику этой теоріи, были высказаны мною раньше въ разныхъ мѣстахъ Основныхъ вопросовъ философіи исторіи по весьма различнымъ поводамъ, но ихъ еще нужно развить и привести въ такую систему, которая могла бы быть положена въ основу научной теоріи культурно-соціальной эволюціи. Главное и основное положеніе этой теоріи уже было формулировано тамъ слѣдующимъ образомъ: «Дѣятельность общества совершается въ извѣстной надъ-органической средѣ (культурѣ и соціальной организаціи), и эволюція этой среды составляетъ одну сторону историческаго процесса. Другую составляетъ дѣятельность личностей, вліяющая на эту эволюцію» [1]). Отношеніе, въ какомъ находятся одна къ другой эти двѣ стороны исторіи, прагматическая и культурно-соціальная, есть не что иное, какъ ихъ взаимодѣйствіе [2]), причемъ, конечно, и тутъ мы имѣемъ дѣло съ взаимодѣйствіемъ личности, какъ фактора исторіи, и культурно-соціальной среды, какъ совокупности особаго рода условій всякой личной дѣятельности.

Н. Карѣевъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

---

[1]) Ibid., II, 283.

[2]) См. мою брошюру «Идея всеобщей исторіи» (Спб. 1885).